

РАЗДЕЛ V. АНГЛИЙСКАЯ ПОЭЗИЯ XIX ВЕКА

ББК Ш400.221

УДК 821.111

К.Н. Савельев

*доктор филологических наук, профессор
(Магнитогорск)*

«КЛУБ РИФМАЧЕЙ» КАК ЭМБЛЕМА АНГЛИЙСКОГО ДЕКАДАНСА

Автор статьи представляет деятельность «Клуба рифмачей» как антивикторианскую реакцию последних десятилетий XIX века. Определяется место этого движения в контексте литературы декаданса, особое внимание при этом уделяется образам и символам стихотворения Э. Даусона «Синара», которое является эмблемой поэзии английского декаданса.

Ключевые слова: поэзия, декаданс, клуб рифмачей, символика, греховный мир, порочная красота

Пик декадентских умонастроений в Англии приходится на начало 90-х годов XIX века, на время, которое принято считать концом старой викторианской респектабельности и пристойности, когда происходит ломка традиций, «переоценка устоявшихся ценностей, когда человек начинает осознавать себя свободным от прокрустова ложа догм и религий» [2, 189]. Своеобразным центром антивикторианского искусства становится знаменитый «Клуб рифмачей» (The Rhymers' Club), который собирался в лондонской гостинице «Старый чеширский сыр» на Флит-стрит. Поиск новых ощущений, нового содержания, новых эмоций, желание уйти от прокрустовых догм традиционной поэзии и предрассудков великих викторианцев – вот те составляющие, позволившие объединиться поэтам новой формации.

И наиболее заметно эта попытка была реализована в творчестве тех авторов, которые придерживались продекадентской направленности (Э. Даусон, Р. Ле Галльенн, А. Саймонс, Л. Джонсон). Как правило, они ориентировались на французские образцы (Ш. Бодлер, П. Верлен, А. Рембо, С. Малларме), стремились за счет причудливости поэтического стиля добиться музыкальности своей поэзии.

Изначально «Клуб рифмачей» был задуман, как дискуссионный клуб, где можно было вместе со своими собратьями по «литературному цеху» обсудить последние новости, прочитать свои вирши, услышать чужие стихи.

Его участники потом признавались, что «у них не было единого, художественного идеала, подобного тому, который вдохновил, скажем, движение имажистов. Каждый делал свою работу и шел по своему намеченному пути; значимость же клуба состояла, прежде всего, в тех людях, которых он объединил» [4, 184].

Членом клуба мог стать любой поэт, здесь не существовало каких-либо особых правил для вступления в него, как и иерархических структур, за исключением должности «почетного секретаря» (*honorary secretary*), которую занимал ирландец Г. Грин.

Члены клуба пользовались поддержкой издательского дома «*The Bodley Head*», ставшего пристанищем для поэтов и художников *fin de siècle*. И хотя редакционная политика этого издательства явно не была направлена только на продвижение декадентских идей и представлений этого периода, но все же Джон Лэйн и Элкин Мэтьюс, стоявшие у его руля, обладали особым художественным вкусом и нередко решались на публикацию заведомо провокационных произведений. «Сфинкс» и «Саломея» О. Уайльда, «Силуэты» Артура Саймонса, «Серебряные точки» Дж. Грея – лишь небольшая часть того, что было опубликовано этим издательством.

Принято считать, что «Клуб рифмачей» был основан в 1891 году поэтами У.Б. Йейтсом и Э. Рисом и что он просуществовал три года, после чего, по словам Д.Л. Мея, «однажды в полночь, безболезненно растворился» [6, 169].

Последующие воспоминания У.Б. Йейтса окружили этот клуб всевозможными мифами и легендами. Ирландский поэт, стоявший у истоков этого литературного сообщества, в своем томе «Автобиографии» довольно подробно воспроизвел те события, которые явились своеобразной точкой отсчета для его зарождения: «Вместе с ним [Эрнестом Рисом] мы основали «Клуб рифмачей», – пишет Йейтс, – встречи которого должны были происходить каждую ночь на протяжении нескольких лет в верхней комнате старой гостиницы под названием «Чеширский сыр». Лайонел Джонсон, Эрнест Даусон, Виктор Пларт, Эрнест Редфорд, Селвин Имидж, Джон Дэвидсон, Ричард Ле Галльенн, Т.В. Ролленстон, Эдвин Эллис, и Джон Тодхантер заходили сюда регулярно; Артур Саймонс и Герберт Хорн появлялись здесь время от времени; в то время как Уильям Уотсон присоединился к нам, но никогда не приезжал; Фрэнсис Томпсон зашел однажды, но так и не присоединился» [8, 101].

На одной из таких встреч Э. Рису было предложено написать четверостишие во славу клуба. Судя по всему, он справился со своей непростой задачей, в результате чего родились строки, ставшие, по сути, гимном и эмблемой рифмачей:

With wine, & blood, & reckless deviltry,
He sped the flames, new-fired our English verse:
Bethink ye, rhymesters! what your praise shall be,
Who in smug suburbs put the Muse to nurse?

Спустя полтора года в несколько измененном виде это четверостишие попадет в знаменитую антологию «Клуба рифмачей». При этом Рис заменит слово «*rhymesters*» на «*rhymers*» и трансформирует первые строчки этого четверостишия, которые отныне будут выглядеть так: «*With wine and blood and reckless harlotry / He sped the heroic flame of English verse*».

К тому же Рис является и автором знаменитой «Баллады Клуба Рифмачей» (*The R's Club Ballad*), которая под названием «Тост» (*The°Toast*) откроет первую «Книгу Рифмачей», изданную в 1892 году:

As once Rare Ben and Herrick
Set older Fleet Street mad,
With wit not esoteric,
And laughter that was lyric,
And roystering rhymes and glad:

As they, we drink defiance
To-night to all but Rhyme,
And most of all to Science,
And all such skins of lions
That hide the ass of time.

Спустя год, после того как рифмачи объединились, было принято решение об издании поэтической антологии, куда бы вошли произведения членов клуба. Окончательно эта идея приобрела очертания в начале лета 1891 года, когда и был создан редакционный комитет, в который вошли Грин, Джонсон, Ле Галльенн, Тодхантер и Даусон.

Декадентским духом оказались проникнуты многочисленные поэтические произведения, опубликованные в двух антологиях клуба. И здесь, конечно, выделяется знаменитое стихотворение Э. Даусона «Синара» (в русских переводах можно встретить и другие названия этого стихотворения: «Кинара», «Чинара», «Цинара»), представленное

во второй книге. Его полное название «*Non Sum Qualis Eram Bonae Sub Regno Cyprae*» было взято из первой оды четвертой книги Горация:

«Я не тот, что под игом был
у Цинары моей кроткой!»

(пер. Н. С. Гинцбурга)

Действительно, современники довольно легко сумели уловить в нем все признаки декадентского произведения. Ле Галльенн вспоминает тот вечер, когда он на одном из заседаний клуба услышал «*Синару*»: «Я помню хорошо, как однажды ночью в Чеширском сыре вслушивался в строчки нового стихотворения Даусона, которое было им написано совсем недавно. Меня тогда поразили внешний вид автора, который мне напомнил Шелли и Китса; выглядел он молодо, хрупкая привлекательная фигура, но уже тогда ощущалась какая-то внутренняя изможденность, что наводило на мысль о чрезмерном стремлении к прожиганию жизни» [4, 186].

«Синара» – это своего рода притча о декадентской душе, которая не может найти себе успокоение в этом греховном мире. Синару, наряду с Саломеей, Иродиадой, Венерой, можно отнести к культовым женским персонажам декадентской литературы. Для многих из современников поэта она стала «символом недостижимых, недоступных радостей мира, своего рода вечной мечтой человека»°[5, °78].

Стихотворение Даусона пронизывает атмосфера эротических чувств и переживаний; все здесь напоминает об извечном противостоянии греховной и чистой любви.

В ту ночь, увы, в ту ночь, меж губ ее и мной
Упала тень твоя, Кинара! Легкий вздох,
Меж поцелуев и вина, я слышал твой,
И я был омрачен. Я болен страстью старой,
Да, я был омрачен и глаз поднять не мог.
Я верен был тебе. По-своему, Кинара.
(Пер. Е. Полонской) [1, 189].

Только погрузившись в атмосферу «богемного бала», побывав на этом празднике чувственных удовольствий и познав ласки продажных красавиц, герой Даусона смог ощутить всю прелесть и чистоту своей любимой, тень которой отныне неотступно следует за ним.

Цель, которую английский поэт преследует в этом стихотворении, по мнению Дж. Нельсона, заключается в том, чтобы «создать ситуацию, которая бы способствовала передаче настроения одиночества, причем достигает он

этого с помощью соответствующих образов, ритмов, стихотворной конструкции» [7, 175]. Прибегая к александрийскому стиху, вычурному синтаксису, тонко управляя звуковой палитрой, Даусон создает ощущение парения. Не случайно, что уже современники поэта отмечали необычайную музыкальность его произведения, приближающуюся к лучшим образцам верленовской лирики. Элегическая интонация еще больше усиливает скорбно-меланхолическое звучание, которое преобладает на протяжении всего стихотворения.

Сюда следует добавить и присутствие в тексте образов-символов. Так, эмблемой порока становятся розы, украшающие путь греха, в то время как образ возлюбленной ассоциируется с бледными лилиями, призванными символизировать чистоту и непорочность. Х. Джексон пишет, что декаденты 90-х «любили чистоту в грязных вещах, сладость в сомнительных союзах; фактически они не целовали Синару, они целовали то, что реально являлось ее замещением» [5, 78], а у Даусона это «*bought red mouths*» (купленные алые губы), которые контрастируют с «*the lips of my desire*» (губами желанными для меня).

Это стихотворение скорее напоминает молитву, когда поэт в момент прозрения обращается к предмету своей любви, который наделяется иконографическими чертами. Образ любимой как наваждение преследует рассказчика и, как заклинание, он произносит эту знаменитую фразу – «*I have been faithful to thee, Cynara! in my fashion*» (Я был верен тебе по-своему, Синара), которая рефреном проходит через все стихотворение поэта.

Но теперь, когда прошлое, окрашенное в идеалистические тона, уступает место бесплодному и безысходному настоящему, рассказчику приходится довольствоваться лишь горькими воспоминаниями, продажными поцелуями да крепким вином, которое позволяет забыться в хмельном угаре. Отсюда это декадентское уныние, ощущение усталости как результат гедонических устремлений и желание, наконец, проснуться от «летаргического сна». Закончен бал под сопровождение «хмельной музыки», и приходит осознание того, что никто и ничто не в состоянии заменить ему «желанных губ возлюбленной».

Две книги «рифмачей» – это образцы лирических произведений, охватывающих почти целый диапазон поэтических голосов начала 90-х годов в Англии. Для стихотворений, вошедших в эти сборники, присуще настроение усталости, скуки, ностальгии по далеким временам. Поэты «клуба рифмачей» стремились возвести стену и укрыться за ней от невыносимой реальности, от пошлости окружающей жизни, от враждебного им индустриального общества. В то время когда одни из них искали спасение в древних мифах,

обращались к историческому прошлому, к легендарным героям, другие стремились к сильным душевным переживаниям, проявляя склонность к изображению странной, порой причудливой красоты, которая была далека от главного потока викторианской культуры. Эта «красота, нередко покрытая ранами, была подчас связана с^отвратительными, уродливыми проявлениями окружающей жизни; она была греховна и оттого еще более притягательна» [3, 189].

Литература

1. Антология новой английской поэзии. – М.: Захаров, 2002. – 400 с.
2. Савельев, К. Н. Декаданс и теории циклической истории / К.Н.Савельев // *Libri Magistri*. Вып. 1. Литературный процесс: историческое и современное измерения – 2015. – С. 150–156.
3. Савельев К.Н. Исторические портреты английского декаданса / К. Н. Савельев. – Магнитогорск: МаГУ, 2008. – 253 с.
4. Le Gallienne R. *The Romantic '90s*. / R. Le Gallienne. – N.^oY.: Garden City Doubleday, Page & Company, 1926. – 201 p.
5. Jackson H. *The Eighteen Nineties. A review of art and ideas at the close of the 19th century* / H. Jackson. – L.: The Cresset Library, 1988. – 254 p.
6. May J.L. *The Path Through the Wood* / J. L. May – N.^oY.: Dial Press, 1931. – 188 p.
7. Nelson J.G. *The Early Nineties. A View from the Bodley Head* / J.G.^oNelson – Cambridge: Harvard University Press, 1971. – 387 p.
8. Yeats W.B. *The Autobiography of William Butler Yeats* / W.B. Yeats – N.^oY.: Macmillan Press LTD, 1953. – 592 p.

«THE RHYMERS' CLUB» AS EMBLEM OF ENGLISH DECADENCE

K. N. Saveliev

Abstract

The author of the article investigates the activities of "The Rhymers' Club" as the Anti-Victorian reaction of the last decades of the nineteenth century. Define the place of this movement in the context of the literature of decadence; special attention is paid to the images and symbols of the poem by E. Dawson "Cynara", which is the emblem poetry of the English decadence.

Key words: poetry, decadence, the Rhymers' Club, symbolism, sinful world, vicious beauty